

Черный пар и зеленые ели

В лесном питомнике под Берёзовским готовятся к осенней инвентаризации

Максим НАЧИНОВ

Каждый год более 30 тысяч гектаров в Свердловской области засаживают новыми деревьями на местах пожаров или лесозаготовки. Посадочный материал для этого готовят в питомниках, где в течение двух лет растут сеянцы сосны, ели и других пород. Министр природных ресурсов и экологии Денис МАМОНТОВ вместе с корреспондентами «ОГ» проверил ход осенних работ в одном из таких питомников в Берёзовском.

Лесной питомник №1 расположен в десяти минутах езды от Режевского тракта. По ухабистой грунтовой дороге мы добираемся до участка площадью почти в 10 гектаров. Часть ее засеяна елями, настолько маленькими, что сквозь осот, ковыль и одуванчики их почти не видно. Другую часть вспахивает трактор с плугом: это так называемый черный пар – поле, которому в этом сезоне дали отдохнуть. Но застаиваться почве тоже не следует, поэтому ее нужно взрыхлить. Уже весной здесь будут снова высеваться семена ели.

Министр природных ресурсов и экологии Денис Мамонтов осматривает питомник на квадроцикле: по лесным дорогам на нем передвигаться и удобнее, и быстрее. Квадроцикл поступил в Берёзовское лесничество в этом году, и уже не раз пригождался при тушении лесных пожаров (например, к нему можно присоединить прицеп и перевозить воду). Он развивает неплохую для такой дороги скорость: за 15 секунд министр уносится вдаль и сливается с лесополосой.

– Он прямо смотрит! Говорит: «Вон, видишь сосну?». А я просто пыталась удержаться, – рассказывает советник министра Елена Краснопёрова, которая следила за опашкой черного пара с заднего сиденья квадроцикла.

Сеянцы ели растут в питомнике в течение трех лет, потом их пересаживают в зоны лесовосстановления

ПАВЕЛ ВОРОЖЦОВ

Несколько заездов вдоль поля – и Денис Михайлович спешивается, чтобы более детально рассмотреть грядки с сеянцами.

– В этом питомнике у нас посеяны ели. Три года она будет расти, потом ее будут выкапывать и сажать там, где необходимо провести лесовосстановление. Оно проводится по проекту лесовосстановления, который определяет, на какой площади и какие породы ценных древесных растений будут высаживаться: сосна или ель. Также определяется количество, потому что когда садишь деревья с открытой корневой системой, можно посадить примерно от трех до пяти тысяч, в зависимости от того, какая будет приживаемость. Если почва плохая, климатические условия суровые, садить нужно чаще и больше, – рассказывает министр.

– А как выбирают породы, которые будут сажать? – интересуемся мы.

– Есть инженер лесного хозяйства, который определяет породы в зависимости от условий произрастания и типов леса. Либо лиственные, либо сосна. Мы здесь, у питомника, видим смешанный лес: березу, осину. Но мы их не садим, мы садим сосняки и ельники, потому что хвойные породы имеют большую хозяйственную ценность. А береза – это только дрова и, если повезет, фанера.

В некоторых зонах сажают сосну кедровую сибирскую. Другие породы уже вызывают трудности.

– Вырастить один или десять дубов – не проблема, – утверждает Денис Мамонтов. – А вырастить 10 гектаров дубов и сформировать из них полноценное лесное насаждение – это проблема. Создать дубраву, конечно, можно, но она потребует ухода. Поэтому в Свердловской области дубовые насаждения не создаются, исходя из природно-климатических условий.

Михаил Калгин, руководитель Берёзовского лесничества, на территории которого расположен питомник, проводит для нас экскурсию, показывает сеянцы – стройные ряды невысоких (сантиметров десять) ёлочек. Проходя между грядок, осматриваемся, чтобы ненароком не наступить на молодое дерево.

В этом питомнике сейчас только ели, хотя раньше были и сосны. Но свои коррективы внесли природные условия.

– Несколько лет назад весной этот питомник очень сильно «зашутовал», – рассказывает руководитель лесничества.

За этим веселым словом скрывается страшная для дерева болезнь шютте, вызываемая грибом *Lophodermium seditiosum*. Поражение в первые три года жизни почти наверняка приводит к гибели сеянца.

– Мы приезжаем весной, а они все рыжие, – вспоминает лесовод. – Яркая, насыщенная окраска хвои, будто коррозия.

Мучительно больно было смотреть. Должен был быть такой хороший посадочный материал, а в итоге за одну весну всё потеряли.

Ближе к густому ельнику растут «переростки»: сеянцы, которые в свой «сезон» посадки остались не востребованы и выросли выше, чем нужно. Для лесовосстановления они уже не годятся, но иногда их используют для посадки на территории школ и детских садов.

– Мы их не используем из-за сложности выкопки, трудоемкости посадки, сложности перевозки и – самое главное – приживаемости таких крупных растений. Они плохо переносят пересадку, – объясняет Михаил Калгин.

Тем временем трактор продолжает вспахивать черный пар, а мы, гонимые мошкаркой, спешим обратно и катимся по ухабам к Режевскому тракту.

Посадка лесных культур – любимый вид работ Михаила Калгина. Свое первое дерево, лиственницу, он посадил еще в восемь лет

ПАВЕЛ ВОРОЖЦОВ

Руководитель Берёзовского лесничества Михаил КАЛГИН рассказал «ОГ» о своем карьерном пути и нюансах профессии лесника.

– Как давно вы работаете в Берёзовском лесничестве?

– С 2010 года. У меня здесь работал отец, всю жизнь отдал Берёзовскому лесхозу. С детства я всегда с отцом находился в лесу. Он едет на сезонные работы – и я с ним. Как ребенок я изначально видел в этом возможность набрать ягод, грибов, увидеть что-то новое. Не сидеть в четырех стенах, в душной бетонной коробке, а быть при живом процессе, когда ты участвуешь в чем-то большом, грандиозном.

– Какие работы в лесу вам больше всего нравятся?

– Мне всегда очень нравились работы по посадке лесных культур. В восемь лет я посадил свое первое дерево – лиственницу. Мы, работники лесного хозяйства, не остаемся в стороне, если кто-то работает и ему нужна помощь.

– Как проходит пожароопасный сезон в вашем лесничестве?

– В этом году работники авиабазы дотушили полигоны, которые остались под снегом. И были незначительные пожары. В основном все пожары в нашей, пригородной, зоне происходят по вине человека. Кто-то оставил тлеющий костер, кто-то покурил неудачно.

– Есть ли внутреннее давление из-за близости к Екатеринбургу? Пожары здесь, а смог и запах идут туда.

– Бывает такое. Но я бы не сказал, что это случается часто. Скорее наш злой рок в незаконной свалке мусора из Екатеринбурга и его пригородов. Люди не везут отходы на полигоны, а считают возможным и правильным вывозить их в лес. В прошлом году поймали и оштрафовали троих нарушителей. Но сумма штрафа не такая пугающая, как то безобразие, которое они оставляют в лесу, – 40 тысяч рублей. А на мусор в лесу больно смотреть. Особенно если ты любишь свою работу, радеешь за то, чтобы всё было красиво и чисто.